

Волошин Дмитрий Алексеевич

СТАЛИНСКИЙ КОНЦЕПТ "РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ" И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1933-1934 ГГ.

В статье дана характеристика познавательной ситуации в среде профессионального сообщества советских историков в свете высказываний И. В. Сталина о "революции рабов", сокрушившей Рим. Обозначены факторы, определившие положение и функции советских историков древности того периода, обеспечивших столь непротиворечивое вхождение сталинской концепции в научную среду. Дана характеристика исследовательских задач советских историков, поставленных перед необходимостью вскрыть механику исторических переходов от древности к Средневековью в русле идей, озвученных И. В. Сталиным в 1933-1934 гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 70-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В ситуации негативного развития взаимодействия стереотипы имеют тенденцию к схематичности и утрированию. В случае позитивного развития сценария коммуникативного акта оценочное суждение или образ при сохранении своей стереотипной природы характеризуется большей сложностью и многогранностью.

Значимость подхода, предложенного и апробированного авторами, заключается в развитии теоретического уровня исследований процессов стереотипизации в концептуальном поле проблем социального и культурного взаимодействия. Практическое значение работы заключается в возможности использования ее результатов в компаративных исследованиях межкультурного (в т.ч. межэтнического) взаимодействия.

Список литературы

1. Дуаз В. Явление анкерности в исследованиях социальных представлений // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 19-27.
2. Капицын В. М. Социальная идентификация (жизнь, политика, право) // Проблема идентичности российского социума в условиях глобализации: коллективная монография / под ред. Н. Р. Балынской; Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Магнитогорск, 2011. С. 30-44.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. 375 с.
4. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 414 с.
5. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
6. Рыжков В. А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983. 22 с.
7. «Свое» и «чужое»: межкультурная коммуникация в полипарадигмальном аспекте: коллективная монография / под ред. Л. А. Шкатовой. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. 185 с.
8. Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 242-250.
9. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-284.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 446 с.
11. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 544 с.
12. Lippman W. Public Opinion. N. Y., 1922. 427 p.

STEREOTYPE IN SOCIAL PERCEPTION PROCESSES

Volkova Viktoriya Borisovna, Doctor in Philology
Krivoshlykova Marina Vladimirovna, Ph. D. in Culturology
Maleko Elena Valer'evna, Ph. D. in Philology
Nosov Magnitogorsk State Technical University
kmv_01@mail.ru

The study is devoted to the problem of the stereotype functioning in cross-cultural interaction. The article for the first time uses modern achievements in the sphere of social psychology, ethnology and linguistics to analyze the stereotype phenomenon, its functions and importance in social perception; a relevant stereotype definition is introduced. The authors propose this approach to identify and study cultural stereotypes.

Key words and phrases: stereotype; social aspects of perception; interaction of cultures; cultural contacts; identity.

УДК 930.23

Исторические науки и археология

В статье дана характеристика познавательной ситуации в среде профессионального сообщества советских историков в свете высказываний И. В. Сталина о «революции рабов», сокрушившей Рим. Обозначены факторы, определившие положение и функции советских историков древности того периода, обеспечивших столь непротиворечивое вхождение сталинской концепции в научную среду. Дана характеристика исследовательских задач советских историков, поставленных перед необходимостью вскрыть механику исторических переходов от древности к Средневековью в русле идей, озвученных И. В. Сталиным в 1933-1934 гг.

Ключевые слова и фразы: сталинизм в исторической науке; Римская империя; рабы; варвары; «теория революции рабов»; историография; познавательная ситуация.

Волошин Дмитрий Алексеевич, к.и.н.
Армавирский государственный педагогический университет
voloschindim@mail.ru

СТАЛИНСКИЙ КОНЦЕПТ «РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ» И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1933-1934 ГГ.

Познавательная ситуация в отечественной исторической науке, пожалуй, как никакая другая, с неизменным постоянством и в разные периоды характеризуется как кризисная, либо посткризисная и переходная. При этом

столь некомфортная эпистемологическая среда не всегда формировалась под влиянием процессов, протекающих в мировом историописании. Отечественная историография изобилует примерами, когда фактор сильной власти оказывается способен перевернуть познавательную ситуацию буквально с ног на голову. И в качестве эталонного примера здесь может выступить ситуация со сталинскими разрозненными тезисами о «революции», «рабах» и «опрокинутом Риме», поднятыми советскими историками до уровня научной теории.

Говорить о сколь-нибудь серьезном познавательном потенциале «революции рабов» как теоретической модели вряд ли представляется возможным. Благодаря ей изыскания целой плеяды историков были развернуты в пространстве координат совсем не научных, а политико-идеологических: и это историографический факт, ибо познавательная практика науки о древности благодаря «революции рабов» обрела свою эталонную меру мифологичности. Последнее, впрочем, не означает полной искусственности и антинаучности сталинского конструкта, ибо представления о решающей силе угнетенных в истории в то время стали фоном не только общественно-политической, но и исторической мысли. Сама идея, заключенная в сталинских тезисах, – когда угнетенные разрушают ненавистный режим (а заодно и государство) – обнаруживает поразительное сходство с каноничными словами революционера П. Алексева о том, как «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» [1, с. 26-27]. Нельзя игнорировать и существенный блок сугубо историографических предпосылок, хотя говорить о его прямом влиянии на воззрения И. В. Сталина по данному вопросу вряд ли стоит.

И тем не менее «сталинское открытие» в силу собственной кардинальности и категоричности в корне меняло не только прежние, но и современные на тот момент взгляды на падение Римской империи и роль в этом процессе угнетенных. По логике, разложение рабовладельческой системы должно было сопровождаться революционным подъемом рабов, приобретающим все более широкий размах. Но гибелью Спартака ознаменовалось окончание эпохи масштабных социальных движений древности – это факт. И здесь степень расхождения с историческим реалиями становилась вызывающе вопиющей – из истории Рима выпадали (в интерпретационном отношении) огромные хронологические фрагменты.

Идеи И. В. Сталина, брошенные в 1933 г. явно без осознания далеко идущих последствий и «не по адресу», были восприняты научным сообществом более чем серьезно. Уже на майском пленуме ГАИМК «вопрос о “революции рабов” стал центральным» [4, с. 228]. Вот как описывал процесс фактического рождения «теории революции рабов» в недрах сектора рабовладельческой формации Л. Славин: «...Для античников речь т. Сталина явилась особенно важной, ибо в вопросе о социальной революции в античном обществе наиболее сильны были до самого последнего времени пережитки каутскианства <...>. Работа сектора рабовладельческой формации на фактическом материале разнородных групп первоисточников (?) блестяще подтвердила <...> тезис т. Сталина» [10, с. 115].

Итак, в 1933 г. сложилась поистине парадоксальная ситуация: советские историки, явно обескураженные «гениальностью» сталинского открытия, ограничиваются подписанием, так сказать, «декларации о намерениях» [2, с. 215]. Но Вождь по поводу развития своих идей и конкретных указаний явно не утруждался; да и свое «открытие» он вряд ли воспринимал «в качестве нормативного для исследователей древности» [5, с. 213]. В ситуации неопределенности сталинские тезисы были восприняты профессиональным историческим сообществом в качестве доктрины, обязательной к исполнению. И в этом смысле альтернатив у «теории революции рабов» уже не осталось: к тому времени личность исследователя уже перестала быть и точкой притяжения, и точкой отсчета. Ей на смену пришли «институты» и «штатные единицы», очень быстро пропитавшиеся мобилизационным духом с его «борьбой», «повышенными обязательствами» и «сверхответственностью». В конце концов, это было время, когда повсеместно множились «замечательные образцы труда» и утверждались героические примеры «нового отношения к труду». Не миновала чаша сия и историческую науку. Последняя ощущала себя находящейся в состоянии «испытательного срока»; а потому и сталинские тезисы были приняты и обкатаны столь охотно. Они рассматривались как проверочное задание. Вот и стремились его выполнить с излишком – как самое настоящее дело чести, дело славы [3, с. 60].

В том, что произнесенные И. В. Сталиным тезисы расценивались как руководство к действию, видится коллективная ответственность советских историков. Сталинские слова были взяты на вооружение (кем-то формально, а кем-то вполне искренне) как очередное трудновыполнимое повышенное обязательство. Сложившаяся в науке о древности познавательная ситуация поставила вопрос о необходимости вскрыть механику исторических переходов – в свете сталинских идей и на конкретном историческом материале. Принципиальная невозможность построения таких конструктов (как известно, класс-гегемон никак не должен был погибать вместе с отжившей общественно-экономической формацией) выразилась в том, что саму «теорию революции рабов» еще долго не могли привести в формат, более или менее заверченный. Впрочем, никого это особо не смущало, «среди историков древности начинается оживление» [7, с. 8] – и это главное. Как уже отмечалось, темы «рабской революции» Иосиф Виссарионович явно сторонился, оставив тем самым советских историков в подвешенном состоянии. Эта ситуация разрешилась, на первый взгляд, парадоксальным образом: не получая ни дальнейших «ЦУ» от Вождя, ни критики от функционеров, ни похвалы, советская наука выдала соответствующие результаты явно «с запасом».

Но главное объяснение того, почему советские историки продолжали писать на данную тематику в условиях индифферентного отношения к ней со стороны Вождя, заключается в следующей его характеристике, данной Г. К. Жуковым: «Сталин был человеком, который если уж за что-то зацепится, то потом с трудом расстанется с этой своей идеей или намерением, даже когда объективные обстоятельства говорят, что

с первоначальным намерением необходимо расстаться» [Цит. по: 9, с. 366]. Другими словами, тот факт, что работы с элементами «революции рабов» множились, но Сталин упорно обходил тему молчанием – это вовсе не индикатор «самоцензуры» признавшего ошибку Сталина. Сталин сказал все, что хотел сказать по этому поводу, не более, но и не менее того. Задач по свертыванию столь бурной научной деятельности никто не ставил – и историкам оставалось только покорно «творить» дальше...

Д. В. Малашкин в появлении «теории революции рабов» усматривает доминирующую роль именно политической ситуации; а потому в условиях и среде, ей порожденных, не то что критика, а «обсуждение в научных кругах были невозможны» [6, с. 69]. Как мы видим, первичное научное оформление сталинской идеи проходило, с одной стороны, в условиях ледящего душу молчания «Великого корифея науки», а с другой, достаточно сплоченно и многоголосно со стороны «благодарных историков», вооруженных отныне «блестящим методологическим инструментарием». Готовность следовать по указанному пути не ставилась под сомнение в принципе. Другое дело – как это сделать?

В сталинских тирадах 1933-1934 гг., по сути, речь шла о падении рабовладельческого строя в результате революции рабов и падении Рима в результате наступления варваров. При этом второй его пассаж вряд ли можно считать конкретизацией первого – речь в первом и втором случаях шла о разных вещах. К тому же, сталинскую цитату № 1 и цитату № 2 разделяет определенный хронологический промежуток. И если после высказываний 1933 г. мы можем наблюдать известные парадоксы этого самого первичного восприятия, то после 1934 г. и последовавшего затем молчания Вождя советские историки пошли путем механического соединения двух концептов («революции рабов» и «варварских вторжений»). Тем самым в проблему закладывалось фундаментальное противоречие – ибо напрямую увязать рабские восстания и падение Римской империи было едва ли возможно, не прибегая к практике выхватывания из контекста, произвольного толкования и обобщения отдельных случаев. К этим приемам, так или иначе, приходилось прибегать любому исследователю, приближившемуся к данной теме на «небезопасное» в то время расстояние. Есть мнение [4, с. 229], что А. Г. Пригожина с его скоропалительными призывами не просто «признать социальную революцию на словах, но и практически это показать» [8, с. 99], можно вполне считать пионером в деле научного обрамления «теории революции рабов»; хотя, повторимся, это самое научное обрамление проходило многоголосно.

Таким образом, неопределенность, неуверенность и подспудное чувство признательности государству за заботу – это как раз те факторы, которыми возможно объяснить активность советских историков, пытавшихся в 1933-1934 гг. научно обрамлять ненаучное.

В случае с «революцией рабов» советским историкам предстояло найти постоянное средство от временной проблемы; следовало оставаться благодарным, но одновременно дистанцироваться от непрофессионалов. Насколько в профессиональном отношении данная задача была выполнена хорошо – трудно судить, ибо уже изначально адаптивные способности сталинских тезисов в плане их исторической конкретизации были ничтожны. Однако, характеризуя профессиональное историческое сообщество того времени, не следует забывать: номенклатурная инвазия в сферу академического знания к тому времени была едва ли не нормой; однако иммунитета от этого советская наука еще не выработала. А потому первостепенное значение здесь приобретал вопрос соотношения в лице одной «академической единицы» бойца идеологического фронта и исследователя. В итоге перед советскими историками забрезжила безальтернативная перспектива «расширять, углублять и обосновывать». Альтернатива приспособленчеству, конечно, была, но полюса поведенческой парадигмы советского историка (как части «Системы») того времени определялись достаточно четко [3, с. 60]. В этой познавательной ситуации историк оказывался перед лицом кардинального выбора; однако это был классический «выбор без выбора» – его попросту нельзя было осуществить, оставаясь частью «Системы».

Список литературы

1. **Алексеев П. А., Герасимов В., Моисеенко П., Панкратов В.** Рабочее движение в России в описании самих рабочих (от 70-х до 90-х годов). М.: ОГИЗ – Молодая Гвардия, 1933. 178 с.
2. **Волошин Д. А.** «Среди историков древности начинается оживление...» (о первых попытках научного осмысления сталинского тезиса о «революции рабов») // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 9-10 февраля 2016 года): в 2-х ч. / отв. ред. А. В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. Ч. II. С. 213-216.
3. **Волошин Д. А.** Теория революции рабов: монография / отв. ред. С. Л. Дударев. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 256 с.
4. **Крих С. Б.** «Революция рабов» в отечественной историографии 30-х гг. XX века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2006. № 17. С. 224-236.
5. **Крих С. Б., Метель О. В.** Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.
6. **Малашкин Д. В.** Как «отмирала» теория «революции рабов» // Власть, политика, идеология в истории Европы: сб. науч. ст. / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 65-69.
7. **Мишулин А. В.** Советская историография и задачи древней истории // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 3-12.
8. **Пригожин А. Г.** Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций: доклад на сессии Института истории Коммунистической академии при ЦИК СССР в память 50-летия смерти К. Маркса 23/III-1933 г. // Известия ГАИМК. Л.: ГАИМК, 1933. Вып. 68. 108 с.
9. **Симонов К. М.** Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1989. 431 с.
10. **Славин Л.** Проблема социальной революции в античном обществе // Борьба классов. 1933. № 10. С. 115-118.

STALINIST CONCEPT “SLAVES’ REVOLUTION” AND COGNITIVE SITUATION IN THE NATIONAL HISTORICAL SCIENCE IN 1933-1934

Voloshin Dmitrii Alekseevich, Ph. D. in History
Armavir State Pedagogical University
voloschindim@mail.ru

The article provides a description of the cognitive situation in the environment of the professional community of Soviet historians in the light of Stalin’s statements about the “slaves’ revolution” that crushed Rome. The paper highlights factors that determined the position and functions of Soviet historians of ancient times of that period, who provided consistent entering of the Stalinist conception into scientific environment. The author gives a characteristic of Soviet historians’ research tasks, who were puzzled with the need to reveal the mechanics of historical transition from antiquity to the Middle Ages in the course of the ideas expressed by Stalin in 1933-1934.

Key words and phrases: Stalinism in historical science; The Roman Empire; slaves; barbarians; “theory of slaves’ revolution”; historiography; cognitive situation.

УДК 7; 72.03

Искусствоведение

В статье представлена дефиниция архитектурно-художественных систем, рассматривается эволюция этих систем во взаимосвязи с культурологическими, природно-климатическими, социоэкономическими и другими факторами в крупных городах Сибири. Предлагаются основные принципы создания архитектурно-художественной системы, базирующиеся на главных особенностях ее возникновения и развития.

Ключевые слова и фразы: архитектурно-художественная система; панорама; силуэт города; природный ландшафт; архитектурные стили; колористика; гармоничность.

Вольская Лариса Николаевна, д. архитектуры, профессор

Бежанова Марина Викторовна

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
marina_bej@mail.ru

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА КРУПНЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ СОЗДАНИЯ

Архитектурно-художественная система города – многокомпонентное понятие (явление), связанное с эстетикой системы застройки, образованием привлекательных внешних и внутренних панорам, выразительного и запоминающегося силуэта города, системой озеленения и малых декоративных форм. Эта система всегда связана с историческими периодами и этапами развития города и его среды, оставляющими свои следы во времени и пространстве. Архитектурно-художественная система города всегда скоррелирована с такими системами, как планировочная, озеленения, гидро- и геосистемы и др. В городской архитектурно-художественной системе образуется система застройки каждой магистрали, площади, в свой исторический период отвечающая социоэкономическим условиям, точнее, подчиняющаяся им в архитектурно-стилевом аспекте, соответствующая запросам эпохи, мировоззрению и мировосприятию.

Анализ архитектурно-художественных систем крупных городов Сибири является своевременным и актуальным, так как появляющаяся в настоящее время точечная застройка в исторических центрах городов ведет к разрушению гармоничности и ансамблевой целостности и системности, часто предполагая снос памятников архитектуры. Сохранение же традиций и преемственности в архитектурно-художественной системе является необходимым.

Оценивая сложившуюся ситуацию в современной среде крупных городов, необходимо обратиться к:

- анализу формирования архитектурно-художественных систем;
- выявлению факторов, влияющих на сложение этой системы;
- формулированию основных принципов, влияющих на создание архитектурно-художественной системы.

Крупные сибирские города прошли относительно короткий исторический путь развития. Образование архитектурно-художественных систем их относится к концу XVI – началу XVII века, когда русские первопроходцы начали осваивать территорию Сибири, возводя деревянные города-крепости в очень красивых природных местах, на берегах мощнейших водных магистралей (Тюмень, Томск, Омск и др.). Эстетика природного ландшафта в этот период гармонично сочеталась с эстетикой застройки как в пропорциональном, так и колористическом аспектах. Панорамы городов хорошо смотрелись с водных предполий, так как ширина рек Оби, Иртыша и других была значительной – несколько километров, – вид городов с водных магистралей был очень эффектным, образовывался своеобразный «речной» фасад.